

На правах рукописи

Бабкина Мария Игоревна

**РОМАННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОЛДОСА ХАКСЛИ:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

5.9.2. Литературы народов мира

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент

Назарова Лариса Александровна

доктор филологических наук, профессор

Рабинович Валерий Самуилович

Официальные оппоненты:

Головачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», профессор кафедры междисциплинарных
исследований в области языков и литературы

Селитрина Тамара Львовна, доктор филологических наук,
профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы», главный научный
сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Методология и
методика гуманитарных исследований»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

Защита состоится «16» февраля 2024 г. в 13:00 часов на заседании
диссертационного совета 33.2.024.04 на базе ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет» по адресу: 620091,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 318.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет» и на сайте Уральского государственного
педагогического университета <https://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «26» декабря 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Багдасарян Ольга Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Художественный мир выдающегося английского писателя XX века Олдоса Хаксли подчеркнута интертекстуальна, диалогична по отношению к культуре прошлых веков, к ее многочисленным философским, художественным и даже научным репрезентациям и опирается на обширную прецедентную базу. «Цитатность» как черта поэтики сознательно подчеркивается автором. Более того, в своих трактатах, статьях, эссе, письмах в случае неясности прямых аллюзий или отсылок Хаксли преднамеренно «демаскирует» наличие в них прецедентных текстов. Таковыми могут служить для него и собственные произведения, когда в произведениях более поздних отчетливо проявляются черты диалога, порой полемического, с ранее написанным (как, например, в утопическом мире позднего романа «Остров» (1962) читатель может найти целый ряд атрибутов «дивного нового мира» из всемирно известной одноименной антиутопии 1932-го года).

К подобным проявлениям автоинтертекстуальности можно отнести и содержательную параллельность трактатов и эссе Хаксли с явно иллюстрирующими их художественными произведениями: трактат «Цели и средства» (1937) / роман «После многих лет умирает лебедь» (1939); лекционный цикл «Человеческая ситуация» (1959) / роман «Остров» (1962) и др.

В свою очередь, и само творчество Хаксли как важный литературный и – шире – культурный феномен окажет влияние на культуру и литературу последующих десятилетий, став для многих авторов (например, М. Этвуд или М. Уэльбека) своеобразным прецедентным текстом, положенным в основу создаваемых ими романов.

Исходя из вышесказанного, можно говорить об исключительно высокой «валентности» художественного мира Хаксли, организующего обширное интертекстуальное поле. Как правило, в мировом литературоведении акцент ставился на выявлении историко-генетических и типологических связей в романах писателя. Указанные выше векторы автоинтертекстуальности и прецедентности для будущих поколений писателей реже попадали в фокус исследовательского интереса критики. Вместе с тем важность такого обобщающего анализа интертекстуальной составляющей творчества Хаксли, которая может стать и ключом к интерпретации его художественного мира, кажется нам несомненной.

Говоря о **степени разработанности проблемы**, укажем, что поскольку творчество Хаксли организует обширное интертекстуальное поле, объектом литературоведческого анализа в разное время становился разный ряд его сегментов. В частности наиболее детально разработаны *шекспировский* (В. М. Джонс (Jones), И. Грушоу (Grushow),

Дж. Мекьер (Meckier), К. С. Фернс (Ferns), П. Фиршоу (Firshow)), **лоуренсовский** (Н. Барлетт (Bartlett), Е. Б. Бургум (Burgum), Р. Вайк-Тененбаум (Wajc-Tenenbaum), Г. Квеннел (Quennell), К. Б. Раммамурти (Rammamurty), Дж. Х. Робертс (Roberts), Дж. Поллер (Poller), Л. М. Томпсон (Thompson), Р. С. Эджекомб (Edgecombe)), **восточный** (С. Гоуз (Ghose), Дж. Поллер (Poller)), **библейский** (Е. Б. Бургум, Дж. Ванн (Vann), Г. А. Нанке (Nance)) контексты творчества Хаксли, а также контекст **утопической и антиутопической традиции** (П. Баверинг (Bowering), М. Бирнбаум (Birnbaum), Дж. Блотнер (Blotner), В. Г. Браунинг (Browning), Э. Геллнер (Gellner), И. Грушоу, М. Кесслер (Kessler), Дж. Д. Клэрсон (Clareson), Д. К. Коулмэн (Coleman), Б. Кришнан (Krishnan), Дж. Липер (Leeper), А. Л. Мортон (Morton), Х. Нойманн (Neumann), Х. Пендекстер (Pendexter), С. Роуз (Rose), Г. Г. Уоттс (Watts), П. Фиршоу (Firshow), Р. Б. Шмерль (Schmerl), А. Хендерсон (Henderson), Дж. Эйренпрайс (Ehrenpreis) и др.

Многие исследователи уделяют внимание наличию переключек, в том числе полемических, в творчестве Хаксли **с другими авторами**. Так, Д. С. Колман рассматривает параллели между романом «О дивный новый мир» Хаксли и творчеством Дж.-Б. Шоу, М. Чёрч (Church) и Н. К. Ильина – переключки творчества О. Хаксли с В. Вулф, А. Петрушкин – с Хемингуэем, Е. Кон-Брамштедт (Kohn-Bramstedt) – с Т. Манном, Е. Рилло (Rillo) – с Т. С. Эллиотом, А. Савуренок и Е. Т. Арнольд (Arnold) – с Фолкнером, Р. Х. Супер (Super) – с М. Арнольдом.

Ряд отечественных исследователей, в частности И. В. Головачева, В. С. Рабинович, Л. Д. Ребикова, рассматривают творчество Хаксли в российском культурном контексте. Кроме того, творчество Хаксли в контексте современной антропологической научной проблематики, то есть в типологической связи не столько с художественными текстами, сколько **с антропологическими исследованиями** (Лакана, Дерриды, Фуко и других), рассматривается в трудах И. В. Головачевой, а также в диссертации и статьях С. С. Фалалеевой.

Предметом научной рефлексии стали и **автоинтертекстуальные взаимодействия** в творчестве Хаксли. Смысловые переключки между антиутопическим романом «О дивный новый мир» и утопическим романом «Остров» рассматривали Дж. Липер и М. Шермер (Schermer). Б. Ньюмен (Newman), в свою очередь, рассматривает движение Хаксли от антиутопического романа «О дивный новый мир» к утопическому роману «Остров» в контексте эволюции взглядов Хаксли. Другие случаи автоинтертекстуального диалога в творчестве Хаксли рассматриваются, в частности, в статье Е. Б. Бургума «Олдос Хаксли и его умирающий лебедь».

Многие исследователи, такие как Р. С. Бейкер (Baker), Е. Блом (Blom), З. Боуэн (Bowen), Ш. ле Гейтс (Le Gates), Б. Кришнан, Л. Колек (Kolek), С. Е. Маровиц (Marovitz), а также Н. Дьяконова, Е. Малышева, О. Редина, С. Фалалеева и другие рассматривают произведения Хаксли *в интермедиальном аспекте*, в частности акцентируют символическую роль музыки и картин в его произведениях. Так, символическую роль музыки Баха и Бетховена в романе «Контрапункт» анализируют Е. Блом, З. Боуэн, Л. Колек, Б. Кришнан.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, работ, посвященных комплексному, целостному анализу различных проявлений интертекстуальности применительно ко всему философско-художественному наследию О. Хаксли, в настоящее время не существует.

Этим объясняется **научная новизна** данной работы. В ней также *впервые* предпринимается попытка свести многочисленные контексты, в которых ранее изучалось творчество анализируемого автора, в единое целое, вписав их в широкое интертекстуальное поле, центром которого становятся разнообразные философские, эстетические и художественные доминанты авторской картины мира; *впервые* подробно раскрывается смысловая корреляция интертекстуальных отсылок в романах Хаксли с его мировоззрением и миропониманием; *впервые* письма Хаксли рассматриваются как релевантный ключ к важным смыслам его произведений, его авторефлексии.

Объект данной работы составило романное творчество О. Хаксли в диалоге с мировой литературой и культурой в целом. **Предмет** – интертекстуальные, а также интермедиальные схождения его произведений с культурными образцами прошлых веков и с литературой последующих десятилетий, а также автоинтертекстуальные пересечения внутри самого творчества английского писателя.

В качестве **материала** исследования выбран основной массив романного творчества писателя, а именно его романы «Желтый Кром» («Crome Yellow», 1921), «Шутовской хоровод» («Antic Hay», 1923), «Эти опавшие листья» («Those Barren Leaves», 1925), «Контрапункт» («Point Counter Point», 1928), «О дивный новый мир» («Brave New World», 1932), «Слепой в Газе» («Eyeless in Gaza», 1936), «После многих лет умирает лебедь» («After Many a Summer Dye sthe Swan», 1939), «Время должно остановиться» («Time Must Have a Stop», 1944), «Обезьяна и сущность» («Ape and Essence», 1948), «Остров» («Island», 1962), рассматриваемые в интертекстуальном и в том числе автоинтертекстуальном контексте.

В орбиту исследования были включены также и письма О. Хаксли как ключ к ряду смыслов его произведений, его образу мира и авторе-

флексии, а также роман М. Уэльбека «Элементарные частицы» (1998) и «Трилогия Беззумного Адамса» (2003–2013) М. Этвуд как произведения, чьей прецедентной основой в значительной степени стало творчество О. Хаксли. Своеобразным «зеркалом» позднейшего переосмысления писателем собственного романа «О дивный новый мир» в контексте новой реальности конца 1950-х годов можно считать цикл очерков Хаксли «Возвращение в дивный новый мир» («Brave New World Revisited», 1958). Столь широкий охват материала позволяет максимально полно и комплексно представить интертекстуальное поле неоднородного по своей структуре творчества англо-американского писателя, продемонстрировать его научно-художественную целостность и временную разнонаправленность.

Высокой интертекстуальной «валентностью» творчества О. Хаксли определяется **цель** данной работы: рассмотреть интертекстуальные схождения в творчестве Хаксли и выявить специфику присущей его творчеству автоинтертекстуальности. Этой целью определяются следующие **задачи**:

1. Определить основные особенности интертекстуального взаимодействия произведений Хаксли как с предшествующими прецедентными текстами, так и с последующей литературой, а также проявления автоинтертекстуальности внутри его творчества.

2. Изучить раннее творчество О. Хаксли (1920-х – начала 1930-х годов) в интертекстуальном и интермедиальном аспектах.

3. Проанализировать роман «После многих лет умирает лебедь» (1939) в диалоге с литературными и культурными источниками прошлых веков и в контексте этого анализа обозначить и классифицировать присутствующие в нем культурные символы.

4. Рассмотреть последний роман Хаксли «Остров» как воплощение его утопического идеала в диалоге с мировой культурой. Ценностно позиционировать прецедентные по отношению к «Острову» литературные и культурные источники с точки зрения позитивных идеалов позднего Хаксли.

5. В качестве примера автоинтертекстуальности в творчестве Хаксли разобрать диалог его позднего утопического романа «Остров» (1962) с ранним антиутопическим романом «О дивный новый мир» (1932).

6. Проследить эволюцию автобиографического героя в творчестве О. Хаксли.

7. Представить антиутопический роман «О дивный новый мир» как центр автоинтертекстуального пространства в творчестве О. Хаксли.

8. Обнаружить и провести подробный анализ текстовых взаимодействий творчества Хаксли (прежде всего его антиутопических романов

«О дивный новый мир», «Обезьяна и сущность», а также утопического романа «Остров») с романом М. Уэльбека «Элементарные частицы» (1998) и «Трилогией Безумного Адама» (2003–2013) М. Этвуд.

Актуальность исследования определяется значимостью фигуры Хаксли, а также интересом современной науки к различным проявлениям межтекстовых взаимодействий, в том числе к феномену интертекстуальности, что определяется цитатностью постмодернистского сознания, его диалогичностью по отношению к культуре прошлых веков.

В самом деле, с одной стороны, сама фигура Олдоса Хаксли стала в определенном смысле культовой в литературе и вообще культуре XX века, символическим олицетворением системы ценностей, во многом определившей развитие современной западной цивилизации. Отсюда все растущий интерес к творчеству великого английского писателя. Подтверждением этому стало возникновение в 1998-м году Международного научного общества «Aldous Huxley Society», объединяющего на данный момент ученых из многих стран мира (США, Германии, Канады, Польши, Испании, Великобритании, России, Грузии, Латвии и др.), регулярно проводящего международные симпозиумы (на данный момент их состоялось семь) и издающего научный ежегодник «Aldous Huxley Annual» (в настоящее время опубликовано 15 номеров), а также другие научные издания.

С другой стороны, хотя основные теоретические постулаты и терминологический аппарат теории интертекстуальности уже в основном сформировались во второй половине XX века, однако в силу включенности практически всей мировой литературы в единое семантическое пространство и продуктивности методов интертекстуального анализа их использование в процессе исследования конкретного литературного материала остается весьма продуктивным. Обширность интертекстуального поля, организованного творчеством О. Хаксли, изначально предполагала его открытость для последующей научной рефлексии.

В качестве **основного метода** в данной работе используется метод интертекстуального анализа, который предполагает изучение разного рода межтекстовых взаимодействий, репрезентированных в том числе (но не исключительно) через цитаты, аллюзии, реминисценции и др. В диссертации проводится систематизация этих компонентов, анализируются связи с текстом-источником и смысловые трансформации, которые происходят в изучаемом тексте благодаря введению «чужого» слова.

Теоретико-методологической базой данной работы стали исследования по теории интертекстуальности: Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Женетта, Ю. М. Лотмана, Ю. Кристевой и других, а также

Е. А. Баженовой, Н. Г. Владимировой, Н. В. Иноземцевой, Ю. Н. Караулова, Н. А. Фатеевой и других.

Теоретическая значимость исследования определяется уточнением и развитием таких важных для теории литературы понятий, как интертекстуальность, прецедентность, автоинтертекстуальность, интермедийность в их отдельном конкретном содержательном наполнении и взаимном соотношении.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать материал данного исследования в лекционных курсах по интертекстуальным взаимодействиям в зарубежной литературе XX века, в спецкурсах, посвященных проблемам интертекстуальности, а также в издательской практике при публикации произведений Хаксли.

Степень достоверности результатов исследования определяется опорой в процессе исследования на обширный массив научного материала, подробным анализом основного массива романного творчества О. Хаксли, благодаря чему осуществляется проверка существующих концепций интертекстуальности на репрезентативном литературном материале, рассмотрением значительного корпуса литературного и публицистического материала, такого как письма Хаксли и некоторые его эссе и трактаты, тексты прецедентных по отношению к его творчеству источников и, напротив, более поздних произведений, для которых уже романы английского писателя выступают в качестве таковых. Все это позволяет с большой долей уверенности верифицировать выводы и результаты исследования, придать им убедительность и полноту.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, которые делятся на подразделы, заключения и библиографических ссылок, включающих в себя 219 источников, в том числе 116 – на английском языке. Общий объем работы – 220 страниц.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в форме докладов на 10 международных и всероссийских конференциях в Екатеринбурге, Минске (Республика Беларусь), Перми, Самаре, Нижнем Новгороде, Москве. Доклады были зачитаны на Международных научных конференциях литературоведов-англистов (Самара, 29 сентября – 1 октября 2016; Минск, 21–23 сентября 2017; Нижний Новгород, 11–13 октября 2018; Москва, 26–27 сентября 2019; Москва, 24–25 сентября 2022); на Всероссийской научной конференции «III Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр» (Екатеринбург, 3 ноября 2016); на Ежегодной всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи» (Екатеринбург, ноябрь 2013, 2014, 2015,

2016 и 2017); на XV всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 5–6 апреля 2018).

По материалам диссертации опубликовано 13 научных статей, из них 5 – в научных изданиях, рецензируемых ВАК МНиВО РФ («Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки», «Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика», «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», «Вестник Челябинского государственного педагогического университета»), а 7 – в сборниках материалов различных научных конференций (размещены в системе РИНЦ). Одна статья также проиндексирована в базе WOS («Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»).

Положения, выносимые на защиту:

1. Художественный мир Хаксли образует обширное интертекстуальное поле, лишь частично освоенное мировым литературоведением, и присутствие в его творчестве «следов» многочисленных прецедентных источников играет важную смыслообразующую роль в репрезентации меняющегося образа мира писателя.

2. Раннее творчество Хаксли (1920-е – начало 1930-х годов), характеризующееся позицией «абсолютного сомнения», опирается на обширный литературный, художественный и философский бэкграунд, своим многообразием демонстрирующий невозможность создания единой целостной картины мира и реализующий бесконечное многообразие возможных ракурсов при изображении действительности.

3. Прецедентные тексты позднего творчества Хаксли (вторая половина 1930-х – начало 1940-х годов) дифференцируются, исходя из их соответствия «положительным программам» соответствующих периодов. Прецедентные культурные источники в романах писателя этого времени (в качестве наиболее репрезентативных в этой связи рассмотрены романы «После многих лет умирает лебедь» и «Остров») делятся на 1) подкрепляющие ценностную позицию Хаксли соответствующего периода; 2) в разной степени враждебные ей; 3) нейтральные по отношению к ней; 4) ценностно амбивалентные. Соответственно, в поздних романах Хаксли его «положительные программы» выступают в роли ценностных центров, вокруг которых располагаются различные символы мировой культуры.

4. Творчество Хаксли включает в себя множество автоинтертекстуальных пересечений, выявляющих как рефлексию писателя по поводу смыслов, отразившихся в созданных им произведениях, так и эволюцию его образа мира, которая зачастую акцентируется посред-

ством полемического диалога с ранее написанными произведениями. Например, в поздних письмах и романе «Остров» прослеживается специфическая, с элементами полемического диалога трансформация ряда смыслов антиутопического романа «О дивный новый мир». Эпистолярное наследие является релевантным ключом к образу мира и к основным смыслам произведений Хаксли.

5. Эволюция образа мира проявляется в трансформации образа автобиографического героя (позднее – «бывшего автобиографического героя»). От романа к роману автобиографический герой претерпевает духовную и мировоззренческую эволюцию, которая, как выясняется в ходе анализа, коррелирует с мировоззренческой динамикой самого О. Хаксли: герой, как и сам автор, движется от позиции скептицизма (в ранних романах 1920-х – начала 1930-х годов) к поиску позитивных ценностей (в частности, в переходном романе «Слепой в Газе» (1936)). Между тем так называемые «бывшие автобиографические герои» поздних романов О. Хаксли («После многих лет умирает лебедь» (1939) и «Остров» (1962)) уже не являются отражением философского, вообще ментального поиска самого Хаксли, притом что на фактологическом уровне мы по-прежнему видим у них много общего как с самим писателем, так и с автобиографическими героями ранних романов. Однако «бывший автобиографический герой» – это тот, кто так и не обрел позитивных ценностей. Демонстрируя явную морально-нравственную ущербность, эти герои знаменуют взгляд автора на самого себя в прошлом, или, скорее, на то, каким он, по его собственному мнению, мог бы быть, если бы остановился в своем поиске.

6. Такие произведения Хаксли, как «О дивный новый мир», «Обезьяна и сущность», «Остров», стали значимым в смысловом отношении прецедентом (хотя и с существенной трансформацией) для романа «Элементарные частицы» М. Уэльбека и «Трилогии Безумного Адамма» М. Этвуд. Моделируя сущностные основы современной реальности, М. Уэльбек, в частности, изображает людей, психологически готовых жить в подобии «дивного нового мира», но такая возможность им, однако, не предоставляется, что и приводит героев «Элементарных частиц» к гибели. М. Этвуд за основу своего фантастического мира берет мотивы и идеи как из романа Хаксли «О дивный новый мир», так и из других его романов – утопии «Остров» и антиутопии «Обезьяна и сущность». Погибающая цивилизация в «Безумном Адамме» имеет немало общего с «дивным новым миром» Хаксли; хаос, оставшийся на ее руинах, – с постапокалиптической цивилизацией в «Обезьяне и сущности», а в системе ценностей людей, взявшихся возродить

цивилизацию после Апокалипсиса, прослеживаются явные параллели с системой ценностей утопического «Острова».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается значимость изучения творчества Хаксли в интертекстуальном аспекте, выделяются объект и предмет исследования, характеризуется материал работы, формулируется ее цель, выводятся основные задачи, обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, характеризуется ее методологическая база, отдельно рассматриваются основные методы, используемые в данной работе (метод интертекстуального анализа, метод сравнительного анализа), обосновываются теоретическая и практическая значимость, кратко описывается структура исследования, а также подтверждается ее апробация в научных публикациях и в ходе выступлений на научных конференциях международного и всероссийского уровней.

Глава 1 Творчество О. Хаксли в диалоге с мировой культурой: интертекстуальный и интермедиаальный аспекты включает в себя три подраздела. В первом подразделе (1.1. *«Игра с мировой культурой» в раннем творчестве О. Хаксли*) анализируются ранние произведения Хаксли 1920-х – начала 1930-х годов как полифонические тексты, включающие в себя множество равноценных «голосов», каждый из которых имеет свою прецедентную основу в литературе и – шире – культуре предшествующих столетий. Соответственно, герои ранних произведений Хаксли, выявляя свои образы мира, тем или иным образом позиционируют по отношению к себе культурные источники прошлых веков, а себя по отношению к ним. Нами развернуто рассматривается культурный бэкграунд (включающий в себя как «свое», так и «чужое», «враждебное») героев ранних произведений Хаксли как носителей значимых для писателя образов мира. Особое внимание здесь уделяется рассмотрению литературных и культурных источников, через которые ведут своеобразный диалог герои и их образы мира. В таком качестве рассматриваются творчество П. Б. Шелли, музыка Баха и Бетховена (восприятие которой во многом выявляет различие между героями «Контрапункта»), фигура христианского святого Франциска Ассизского, наконец, личность и творчество Льва Толстого. Далее рассматриваются культурные бэкграунды отдельных героев разных произведений Хаксли, которые способствуют выявлению их личностной идентичности. Это, в частности, прецедентные бэкграунды «верующих богоборцев» Колмэна и Спэндрелла из «Шутовского хора» и «Контрапункта» соответственно, героя лоуренсовского типа Рэмпиона, «правого» политического деятеля Эверарда Уэбли и «лево-

го» Иллиджа также из «Контрапункта» и др., а также отдельно – автобиографических героев ранних романов Хаксли (от «Желтого Крома» до «Контрапункта»).

В подразделе втором главы первой (1.2. «Интертекстуальная символика “истинного” и “ложного” в романе “После многих лет умирает лебедь”») анализируется прецедентный бэкграунд «положительной программы» О. Хаксли, художественно вербализованной в романе «После многих лет умирает лебедь». Своеобразным героем-резонером, декларирующим эту «положительную программу», в основе которой лежит идеал «освобождения от индивидуальности», стал мистер Проптер, воплощением «ложного» мироустройства – миллиардер Стойт и его поместье, жизнь, в котором базируется на идеале экспансии «я» в вечность. Отсюда доминирующие для этого героя ценности власти, силы, телесного наслаждения, богатства (проявляющие себя в том числе количественно), а также величия и, главное, физического бессмертия. Культура прошлых веков в романе Хаксли дает о себе знать и по отношению к «ложному» миру миллиардера Стойта, и по отношению к «истинной», «положительной программе» мистера Проптера. В жизненном пространстве Стойта большинство культурных символов либо благословляют, морально оправдывают «ложное» мироустройство (например, живопись Рубенса как художественное воплощение торжествующей телесности), либо ведут себя нейтрально по отношению к нему, выполняя функцию простого декора. И лишь немногие культурные маркеры, по крайней мере неявно, бросают вызов этому «ложному» мироустройству, как, например, картина Вермеера, находящаяся на периферии «ложного» мира и явно антагонистичная по отношению к висящей на самом видном месте картине Рубенса. Отдельные культурные символы (например, некоторые библейские образы, сюжеты и смыслы, а также картина Эль Греко) обнаруживают в мире Стойта свою ценностную амбивалентность: отчасти они морально оправдывают существование этого мира, но в то же время и сдерживают доминирующую в нем телесность.

Другой ряд культурных символов в романе упоминается в монологах героя-резонера мистера Проптера и так же позиционируется по отношению к его «положительной программе» как «истинное» или «ложное» соответственно. Добавим, что большинство феноменов культуры толкуется, скорее, как обоснование существующего «ложного» мироустройства, однако в качестве духовных ценностей, неявно коррелирующих с его «положительной программой», упоминаются, например, «Кандид» Вальтера, поэзия Вордсворта и Оскара Уайльда;

все «библейское» также рассматривается скорее как ценностно амбивалентный феномен.

Далее анализируются культурные бэкграунды отдельных героев романа: самого миллиардера Стойта; героя «фрейдовского» типа доктора Обиспо; гедониста XVIII века графа Хоберка, достигшего ценой «обратной эволюции» физического долголетия, юной любовницы миллиардера Стойта Вирджинии Монсипл как олицетворения женской телесности и, наконец, героя-интеллектуала Джереми Пордиджа, относящегося к галерее «бывших автобиографических героев».

В подразделе третьем главы первой (1.3. «Утопический идеал позднего О. Хаксли: роман “Остров” в диалоге с мировой культурой») рассматривается прецедентная основа «положительной программы» позднего Хаксли, базирующаяся на идеале синтеза разных ценностей и культурных парадигм (в частности, Запада и Востока) и воплотившаяся в утопическом мире последнего романа Хаксли «Остров» (1962). Культурные источники прошлого обнаруживают свою значимость в этом утопическом романе Хаксли по трем позициям: в отношении к самому утопическому миру Острова (как ценностно родственные или, наоборот, враждебные ему); в отношении к уничтожившим утопию Острова Крестоносцам Духа (у которых тоже есть своеобразный культурный бэкграунд, обосновывающий их замысел) и в отношении к «бывшему автобиографическому герою» Уиллу Фарнеби, воплощающему в себе ретроспективный «я-образ» самого Хаксли.

Миросозерцание паланезийцев в романе в широком смысле слова интертекстуально – оно включает в себя сложный диалог с культурными образцами прошлого, среди которых как заведомо враждебные ценностям утопического Острова воспринимаются фигуры Лютера, Кальвина, Августина Аврелия, Фрейда и отчасти – параллельно Фрейду – евангельского апостола Павла. Ценностно амбивалентны для обитателей Острова персонажи из Библии (равно как и сама библейская картина мира), Сократ в древности и физиолог Павлов в современности. Особое место в романе в качестве ценностно амбивалентного культурного символа занимает Четвертый Бранденбургский концерт Баха, одновременно инкорпорирующий и божественное возвышение духа, и оправдание страшных реалий доутопического мира вплоть до нацизма. Наконец, в качестве позитивного ценностного бэкграунда утопического Острова в романе Хаксли фигурируют проза Ч. Диккенса и поэзия У. Вордсворта и У. Блейка.

Особое место в прецедентном поле утопического Острова занимает трагедия Софокла «Царь Эдип»: ее роль здесь родственна роли известной трагикомедии Шекспира «Буря» в антиутопическом мире ро-

мана «О дивный новый мир». «Буря» в антиутопии Хаксли и софокловский «Царь Эдип» на утопическом Острове оказываются символическим воплощением «прошлого» мироустройства, базирующегося на страстях и страданиях, но если в антиутопии Хаксли 1932-го года Шекспир олицетворяет высокие идеалы, уничтоженные в антиутопическом «дивном новом мире», то в утопии 1962-го года царь Эдип оказывается символом «ложного» мироустройства, базирующегося на ненужных людям страстях и страданиях.

Прецедентный бэкграунд погубивших утопический мир Острова Крестonosцев Духа в романе подчеркнуто беден: их сознание и речь наименее цитатны, что является свидетельством их «внекультурности». Тем не менее в их речи встречаются обращения к авторитету Лютера и Карлейля, к научно-фантастической литературе, к некоторым другим культурным источникам.

Наконец, сознание и речь «бывшего автобиографического героя» Уилла Фарнеби, наоборот, исключительно цитатны, и в этой цитатности, предполагающей своеобразную «игру с мировой культурой», они родственны сознанию и речи автобиографических героев Хаксли 1920-х годов.

Глава 2 Автоинтертекстуальность в творчестве О. Хаксли включает в себя два подраздела и посвящена анализу пересечений и переключек между текстами самого Хаксли, выявляющих эволюцию его картины мира и, соответственно, направление его ретроспективной авторефлексии.

Сквозным образом, проходящим через большинство романов Хаксли и выявляющим эволюцию его картины мира, стал образ автобиографического героя, подробно рассмотренный в подразделе первом главы второй (2.1. *«Эволюция автобиографического героя в творчестве О. Хаксли»*). В ранних романах писателя данный образ является отражением его «я-образа» в реальном времени – скептика-интеллектуала, носителя идеи «абсолютного сомнения». В главе достаточно подробно рассмотрены маркеры автобиографичности такого героя, вплоть до частичных биографических совпадений (профессия, неучастие в Первой мировой войне по медицинским основаниям и др.). В то же время автобиографический герой романов Хаксли 1920-х годов также трансформируется от «Желтого Крома» к «Контрапункту», но при этом соответствует самовосприятию Хаксли на момент написания им соответствующего романа.

В переходном романе «Слепой в Газе» «автобиографический» Энтони Бивис оказывается своеобразным «альтер-эго» писателя в период мировоззренческого кризиса 1932–1936 годов, и в его дневниковых

записях соответствующего периода фактически задокументирован путь самого Хаксли от «абсолютного сомнения» прошлых лет к «положительной программе». В последующих романах Хаксли – «После многих лет умирает лебедь» и «Остров» – автобиографический герой превращается в «бывшего автобиографического героя». Последний становится художественным воплощением ретроспективной авторефлексии Хаксли: это носитель присущей писателю 1920-х годов позиции «абсолютного сомнения», которая теперь, на поздних этапах его творчества оценивается им как ограниченная и ущербная; как результат – «бывший автобиографический герой» из последнего романа «Остров» Уилл Фарнеби становится соучастником уничтожения утопии Острова.

В подразделе втором главы второй (2.2. «*Антиутопический роман “О дивный новый мир” как центр автоинтертекстуального пространства в творчестве О. Хаксли*») знаменитая антиутопия рассматривается в контексте точек соприкосновения с предшествующим и последующим творчеством писателя, в том числе с его статьями и письмами. Вообще, «О дивный новый мир» сконцентрировал целый ряд смыслов, которые были значимы для писателя на протяжении всего его творчества: как до, так и после написания самого романа. Собственно, уже в раннем романе Хаксли «Желтый Кром» герой-интеллектуал мистер Скоуган предлагает в качестве «положительной программы» модель мироустройства, во многом превосходящую мироустройство «дивного нового мира».

Впоследствии Хаксли будет многократно возвращаться к содержанию романа «О дивный новый мир» в своих художественных текстах, трактатах, статьях и письмах, и эволюция его взгляда на мир будет порождать новые толкования ранее написанного романа – вплоть до того, что утопический мир последнего романа Хаксли «Остров» впитает в себя ряд черт антиутопического «дивного нового мира». Некоторые акценты в самом романе, вкуче с отдельными смысловыми корреляциями с другими произведениями Хаксли, позволяют сделать предположение о неопределенности авторского отношения к изображенному в романе «О дивный новый мир» антиутопическому миру и даже о его возможной «утопичности» в глазах писателя.

С одной стороны, письма Хаксли (как совпадающие по времени с написанием романа, так и написанные многими годами позже), а также цикл его очерков «Возвращение в дивный новый мир» (1958) подтверждают, что мироустройство «дивного нового мира» для Хаксли всегда было именно антиутопическим и понималось им как «кошмар» (“nightmare” – наиболее часто упоминающееся в письмах Хаксли слово, которым он определяет свое отношение к подобному мироустрой-

ству). Более того, в письме от 29 марта 1946 г., адресованном О. К. Флечтхайму (Flechthaim), Хаксли характеризует общество, организованное по модели «дивного нового мира», как «абсолютное зло»¹. Даже в письмах, совпадающих по времени с годами написания утопического романа «Остров», он ни разу не упоминает о сходствах его утопического Острова с антиутопическим «дивным новым миром» (они, безусловно, присутствуют).

С другой стороны, в поздних работах Хаксли, прежде всего в цикле очерков «Возвращение в дивный новый мир», а также в его поздних письмах, акцентируется реальная возможность реализации подобной антиутопической модели. В частности, в «Возвращении...» автор детально анализирует факты современной ему реальности (стремительный рост населения, генетическое вырождение, растущая уязвимость демократических институтов, усиление централизации и др.), которые могут сделать неприемлемое в его глазах воплощение этой модели неизбежным

В главе 3 Творчество О. Хаксли как прецедентный текст, состоящей из двух подразделов, рассматривается влияние творчества Хаксли на литературу уже последующих десятилетий. В качестве текстов, диалогичных по отношению к произведениям Хаксли, были выбраны роман М. Уэльбека «Элементарные частицы» и «Трилогия Беззумного Адама» М. Этвуд. В подразделе первом главы третьей (3.1. «Трансформация антиутопического мира романа О. Хаксли “О дивный новый мир” в романе М. Уэльбека “Элементарные частицы”: образец интертекстуального диалога») в качестве текста, написанного под прямым влиянием романа О. Хаксли «О дивный новый мир», рассматривается роман современного французского автора М. Уэльбека. В его романе «Элементарные частицы» присутствуют прямые отсылки к антиутопии Хаксли, а также к личности и творчеству последнего в целом – вплоть до развернутой рефлексии уэльбековского героя Брюно Клемана о пророческой миссии английского писателя. Сам же роман Уэльбека организован как преднамеренная трансформация антиутопии Хаксли «О дивный новый мир» с учетом современных реалий.

Уэльбек в «Элементарных частицах», во-первых, моделирует возможную трансформацию современного человечества в направлении, предзаданном образцом «дивного нового мира» Хаксли, а во-вторых, прописывает и возможный результат этой трансформации: утрату человечеством собственно человеческой идентичности, когда «кратко, с

¹ Letters of Aldous Huxley / edited by Grover Smith. L.: Chatto&Windus, 1969. P. 542 (письма Хаксли цитируются в переводе автора работы).

покорностью и, может статься, с тайным облегчением люди приняли неизбежность своего исчезновения»²).

В то же время Уэльбек домысливает возможную эволюцию человечества в направлении «дивного нового мира», порой акцентируя одни присутствующие в антиутопии Хаксли смыслы и «затушевывая» другие. Так, например, в романе современного автора акцент поставлен на изображении предыстории созданного писателем фантастического мира и на его «промежуточного» состоянии, в то время как в романе классика мировой литературы антиутопический мир показан в момент своего расцвета, а отдельные этапы движения к этому расцвету упоминаются вскользь (как, впрочем, и вообще весь исторический бэкграунд этого антиутопического мира).

Романы Хаксли и Уэльбека сопоставляются в рамках подраздела в ряде контекстов (роль науки в создании фантастических миров, в том числе генетическое программирование, проблема платы за всеобщее счастье, проблематика, связанная с собственно человеческой идентичностью и ее потенциальной утратой и др.). Отдельно акцентируются различия в авторском отношении к сравниваемым фантастическим мирам (если «О дивный новый мир» – это, безусловно, антиутопия, то в уэльбековских «Элементарных частицах» авторское отношение к антиутопическому миру «затушевано»).

В подразделе втором главы третьей (3.2. «Интертекстуальное взаимодействие “Трилогии Безумного Адамма” М. Этвуд с творчеством О. Хаксли») рассматривается принципиально иной случай прецедентности художественного и философского наследия Хаксли по отношению к позднее написанным произведениям. Представляется неслучайным рассмотрение в большинстве этвудоведческих работ «Трилогии Безумного Адамма» именно в контексте творчества Хаксли. Дело в том, что независимо от малого количества прямых отсылок (которых всего две) в «Трилогии» присутствует немало неявных маркеров влияния английского писателя – на уровне сюжетов, мотивов, образов, смыслов, которые в своей совокупности позволяют сделать вывод о высокой вероятности прецедентности творчества Хаксли по отношению к трилогии. В нашем подразделе в этой связи рассмотрены точки соприкосновения трилогии Этвуд с романами «О дивный новый мир» (родственность в ряде аспектов доапокалиптической цивилизации в трилогии Этвуд «дивному новому миру»), «После многих лет умирает лебедь» (исследования, направленные на увеличение продолжительности жизни за счет использования «животного» потенциала:

²Уэльбек М. Элементарные частицы: роман / пер. с фр. И. Васюченко, Г. Зингера. СПб., 2014. С. 379.

«обезьяньего» – в романе Хаксли, «свиного» – в трилогии Этвуд), «Обезьяна и сущность» (гибель цивилизации как результат научного прогресса; отдельные маркеры родственности постапокалиптических миров Хаксли и Этвуд), «Остров» (точки соприкосновения альтернативы «обреченной цивилизации», предложенной вертоградарями, у Этвуд и ценностной основы утопического Острова из романа Хаксли).

В **заключении** сделаны выводы и обобщения по содержанию работы.

Изучение литературного наследия Хаксли трудно представить без внимания к его обширному интертекстуальному потенциалу и художественной реализации последнего, понимание чего и легло в основу данной работы. Преломление смысла и смыслов, возникающее на стыке различных концепций и картин мира в художественных произведениях О. Хаксли, дает потенциальный «третий» смысл, выявление которого осуществляется в рамках применения метода интертекстуального анализа.

Бесконечный полилог между мыслителями и деятелями литературы и искусства прошлого, между героями художественных текстов и, в конечном итоге, между различными мировоззренческими системами и идеями представлен в произведениях Хаксли сквозь призму собственного отношения автора к тем или иным ценностным системам – в эволюции его взглядов от «абсолютного сомнения» до обретения «положительных программ», что явилось одним из оснований для классификации интертекстуальных отсылок в данной работе.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим освоением обширного интертекстуального поля, организованного творчеством Хаксли и включающего в себя огромный массив прецедентных источников, автоинтертекстуальных связей, а также влияний писателя на литературу и общественную мысль последующих десятилетий.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ:

1. Бабкина, М. И. Трансформация антиутопического мира романа О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932) в романе М. Уэльбека «Элементарные частицы» (1998): образец интертекстуального взаимодействия / М. И. Бабкина, В. С. Рабинович. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4. – С. 62–68 (0,56 п.л. / 0,14 п.л.).

2. Бабкина, М. И. Имение Стойта в романе О. Хаксли «После многих лет умирает лебедь» как модель мира / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 69–76 (0,67 п.л.).

3. Бабкина, М. И. Творчество Олдоса Хаксли: диалог литературы и музыки / В. С. Рабинович, М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9, вып. 2. – С. 90–96 (0,76 п.л. / 0,3 п.л.).

4. Бабкина, М. И. Творческая авторефлексия в письмах Олдоса Хаксли / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 5–8 (0,47 п.л.).

5. Бабкина, М. И. «Бывший автобиографический герой» как персонаж поздних романов Олдоса Хаксли / В. С. Рабинович, М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 75–83 (0,63 п.л. / 0,35 п.л.).

**Статья, проиндексированная в международной научной базе
Web of science:**

6. Бабкина, М. И. Эволюция «автобиографического героя» в творчестве О. Хаксли в аспекте «автоинтертекстуальности» / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Vol. 19, № 1 (160). – С. 223–232 (0,74 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

7. Бабкина, М. И. Освещение интертекстуального аспекта творчества О. Хаксли в мировом литературоведении / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи : материалы 8-й ежегодн. всерос. студ. научно-практ. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, состоявшейся в Екатеринбурге 25 ноября 2015 года. – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – С. 3–6 (0,34 п.л.).

8. Бабкина, М. И. Антиутопия О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932) и утопия О. Хаксли «Остров» (1962): черты интертекстуального диалога / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи : материалы 6-й ежегодн. всерос. студ. научно-практ. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, состоявшейся в Екатеринбурге 20 ноября 2013 года. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 148–152 (0,29 п.л.).

9. Бабкина, М. И. Интертекстуальная символика «истинного» и «ложного» в романе О. Хаксли «После многих лет умирает лебедь» (1939) / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи : материалы 7-й ежегодн. всерос. студ. научно-практ. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, состоявшейся в Екатеринбурге 19 ноября 2014 года. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – С. 46–51 (0,48 п.л.)

10. Бабкина, М. И. Христианская символика в романе О. Хаксли «После многих лет умирает лебедь» / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи : материалы IX ежегодн. всерос. студ. научно-практ. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, состоявшейся в Екатеринбурге 25 ноября 2016 года. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – С. 8–14 (0,63 п.л.)

11. Бабкина, М. И. Антиутопический роман «О дивный новый мир» как объект авторской рефлексии в письмах О. Хаксли / В. С. Рабинович, М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сб. науч. тр. / под ред. О. Н. Турышевой. – Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2017. – С. 121–132 (0,62 п.л. / 0,3 п.л.)

12. Бабкина, М. И. Роман О. Хаксли «Контрапункт» как центр интертекстуального поля / М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи : материалы X ежегодн. всерос. студ. научно-практ. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, состоявшейся в Екатеринбурге 24 ноября 2017 года. – Екатеринбург : УрФУ, 2018. – С. 4–8 (0,4 п.л.)

13. Бабкина, М. И. «Игра с мировой культурой»: романы «Желтый Кром» и «Шутовской хоровод» О. Хаксли в интертекстуальном и интермедальном аспектах / В. С. Рабинович, М. И. Бабкина. – Текст : непосредственный // Вопросы романо-германской филологии. Выпуск 4. Иностранные языки и литературы: текст и контекст : сб. науч. тр. / под ред. О. Г. Сидоровой, Л. А. Назаровой. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. – С. 88–99 (0,61 п.л. / 0,3 п.л.)

Подписано в печать 15.12.2023. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 100. Заказ 5467.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru